

ФРАНГИЗ ХАНДЖАНБЕКОВА

**БОРИС ВИШНЕВКИН О ГОРОДЕ ДЕТСТВА,
О ЖИЗНИ, О МУЗЫКЕ**

В Бакинском еврейском благотворительном центре с большим успехом прошел концерт известного композитора и шансонье Бориса Вишневкина. В рамках концерта состоялась также презентация его нового музыкального альбома *Caspian Wind* («Каспийский ветер»), некоторые мелодии из которого Борис Вишневкин исполнил вместе с другом юности, саксофонистом Ясафом Тагиевым. Борис Вишневкин – бакинец, поэтому встреча с земляками не обошлась без воспоминаний, чередовавшихся порой с зажигательными, а порой лирическими музыкальными номерами. Теплая, душевная атмосфера состоявшегося в дни праздников Новруз и Песах (еврейской Пасхи) необычного концерта до сих пор сохраняется в памяти всех его участников. Куда бы ни забросила судьба бакинцев, они всегда хранят в душе воспоминания о родном городе, а в них – представляющие особую ценность частицы истории Баку, которые всякий раз дополняют картину общественной и культурной жизни столицы Азербайджана середины и конца прошлого века новыми деталями и красками, всегда вызывающими живой интерес. Не стала исключением в этом плане и беседа с Борисом Вишневкиным.

– Борис, как у вас в далекой Америке родилась идея такого оригинального альбома, где в названиях музыкальных произведений так богато представлена «география» Баку: «Абшерон», «Ночь в Загульбе», «Розы Разино», «Южный бульвар», «Гюльшан»...

– С ними связаны дорогие и приятные для меня воспоминания. В свое время в Загульбе был лагерь «Спутник», в котором собиралась молодежь. Море, молодость, веселье... Само слово «Загульба» как-то по-особому звучит. Память сохранила и аромат роз, которым был наполнен поселок Разина, где я жил. А наши бакинские ветра! Но идея была не моя. Шесть лет назад я приезжал в Баку после 21-летнего перерыва, чтобы встретиться с друзьями юности, посетить могилы родителей. В один из дней я встретился со своим другом юности, саксофонистом Ясафом Тагиевым, с которым мы когда-то вместе работали. Мы с ним долго беседовали, и вдруг он сказал: «Понимаешь, вот ты пишешь музыку, напиши такую, чтобы и я был, и ты, и чтобы у нас вместе что-то бы получилось, пусть это будет наш совместный проект». Я тогда подумал, что это нереально: я – в Америке, он – в Баку, а ведь нужны и совместные репетиции, к тому же мои мысли в тот период были заняты работой над инструментальным альбомом «Take 95 south». Словом, душа никак не отозвалась, не среагировала, тем не менее я сказал: «Подумаю». По возвращении в Америку я продолжил работу над инструментальным альбомом, в которой, кстати, принимал участие и Ясаф вместе с моим армейским другом, заслуженным артистом России Сергеем Гершеновичем. Он настолько виртуозно играет на трубе, что его называют «Золотая труба России». Ясаф тоже опытный, тонкий музыкант, и в этот альбом вошло несколько музыкальных номеров в его исполнении, я их писал именно для него. В то же время

глубоко в подсознании я все же раздумывал над его предложением, и была мысль, что если все получилось для инструментального альбома, где, в основном, преобладают мелодии джаз-рока, значит, возможно, получится и сделать аналогичный бакинский альбом. И вот спустя какое-то время, когда я, как обычно, вышел на утреннюю прогулку, на меня вдруг откуда-то полились мелодии. Одна, вторая, третья... Просто замучили. Причем мелодии сами рождались в душе, от них, как и от произвольных воспоминаний, некуда было деться, я не успевал записывать и напевать их на телефон. Это наваждение продолжалось два месяца. Я был в Баку в апреле, а к сентябрю уже проявились контуры будущего альбома. Я отправлял записи Ясафу на электронную почту, мы советовались, обсуждали. Ясаф – грамотный музыкант, с большим опытом, хорошо знает джаз, у него очень хороший вкус. Кроме того, у каждого человека – свой внутренний мир, мне хотелось, чтобы по составлению альбома было обоюдное согласие, и чтобы в альбоме, посвященном Баку, прослеживалась связующая нить между Нью-Йорком и Баку, которая передается через джазовые элементы и восточный колорит музыки. Неслучайно первой в альбоме записана музыкальная композиция «Нью-Йорк – Баку», а завершает его «Баку – Нью-Йорк». Когда я писал эту музыку, мысленно переносился в Баку, вспоминал песни, которые в молодости мы пели. Эти мелодии, мои бакинские настроения того периода, сам воздух Баку, запах Каспийского моря, – все я переплавил в душе и передал в музыке для этого альбома. Так что я благодарен Ясафу за его идею.

– Многое начинается с детства, поэтому нельзя не спросить о ваших родителях, о том, в какой семье вы родились, о каком будущем для вас они мечтали, какие цели перед вами ставили?

– Я родился в Баку и жил на улице Видади, 111, этот дом, к счастью, сохранился. Мама работала в отделе кадров, папа был инженером с тремя образованиями. Я был поздним ребенком, папе был 51 год, а маме 38, когда я родился. Папа был творческим человеком, хорошо рисовал, изобретал приспособления к автомобилям и тракторам, был членом Республиканского общества рационализаторов и изобретателей. Я тоже мечтал научиться рисовать, потом – стать циркачом, и часто ходил в цирк, в тот, старый, на улице Гаджибекова. Потом, посмотрев фильм «Бахтияр», стал мечтать о профессии нефтяника, но родители мои хотели все-таки, чтобы я стал музыкантом, и отдали меня учиться игре на скрипке. Так посоветовала им одна моя родственница (музыкант), считая, что скрипка развивает слух. От способностей отца мне ничего не перешло, а все, что есть во мне музыкального, пришло как бы само по себе. Отец умер, когда мне было одиннадцать лет, и дальше мое воспитание взяла на себя мама. От нее я перенял оптимизм, умение не унывать в любых ситуациях, любовь к природе, к животным, к людям, к музыке.

– Как у вас проявилась склонность к музыке, к сочинительству?

– Раньше не было компьютеров и я слушал музыку по радио и телевизору: азербайджанские народные мелодии, мугамы, какие-то советские песни, и все это впитывалось в меня, как-то отзывалось в душе. Когда мне было 5 лет, мне купили губную гармошку, и я пытался воспроизвести на ней понравившиеся мелодии, например, песни Бейбутова, среди которых я особенно любил «Баку родной». Заслышав мелодии, собирались соседи и слушали. Когда не стало папы, мама, желая хоть как-то смягчить эту потерю, с огромным трудом с помощью родственников достала мне путевку в «Артек», куда попадали только избранные. Я не был пятерочником, у меня были и четверки, и мне, конечно, очень повезло. В «Артеке» было пианино, и когда

по приезде я его увидел, тут же сел и заиграл и запел «Bakı əziz səhər, mehriban diyar...» Все сразу собрались вокруг меня, среди них были и школьники из Баку, которые стали мне подпевать. После этого у меня появилось прозвище «Баку родной», ко мне только так и обращались: «Баку родной, пойдем в футбол играть», или «Баку родной, идешь в столовую?» Это осталось в моей памяти. У меня душа лежала к музыке, и мама тоже ее любила. Она была общительная, веселая, очень гостеприимная, ей нравилось принимать дома своих друзей с работы, моих друзей. За столом всегда много пели.

– Как складывалось позже ваше музыкальное образование?

– Мама хотела, чтобы я учился дальше, и я поступил в музыкальное училище имени Асафа Зейналлы. Правда, сказал маме, что мне хочется сочинять музыку, поскольку появилась сильная тяга к этому, и, сдав экзамен по скрипке за 7-й класс, в 14 лет я поступил на теоретическое отделение. Я был самым юным студентом, потому что, в основном, возраст поступающих был 18-20 лет. Композиции учился у Азиза Азизова, ученика Кара Караева. И что интересно, он играл на трубе и в 70-е годы был руководителем эстрадного оркестра кинотеатра «Азербайджан».

Тогда при всех центральных кинотеатрах в моде были джазовые оркестры, которые выступали с 20-минутными программами перед началом киносеансов. Я очень уважал своего учителя и до сих пор храню память о нем. Интересно, что у Кара Караева он учился классической музыке, но сам по себе был джазовый человек, хорошо разбирался в джазе, и вообще был очень необычным, разносторонним, интересным человеком. Он сам мастерил лодки и спускался на них по горным рекам, своими руками он создавал автомобили. Как музыкант, делал хорошие оркестровки. Когда я уже жил в Москве, он работал главным дирижером оркестра Азербайджанского телевидения и радио, и многие мои друзья у него играли. Он был очень спокойный, мягкий человек, добрый, отзывчивый. Он учил меня основам композиции, но была одна проблема – я часто пропускал уроки.

– С чем это было связано?

– Ну что у юноши 14-15 лет в голове? С друзьями встретиться, поговорить, покурить, выпить вина. Словом, подростковый возраст. В возрасте 14 лет я официально стал музыкальным руководителем самодеятельного ансамбля «Чайка» при Доме культуры моряков, что находился на улице Хагани, 22. Мы пели такие песни, как «Аг чичяк», «Азербайджаным» («Мой Азербайджан»), польские, советские песни. Вообще, я уже в 14 лет работал и приносил маме деньги, говорил ей: «Мама, я не знаю, что с ними делать, возьми себе». И вот, интересный случай, двое ребят, которые вместе со мной играли в этом ансамбле, сегодня пришли на мой концерт. Представляете, 50 лет прошло, и сейчас мы в Баку встретились. В «Чайке» я писал аранжировки для ансамбля – ноты для гитары, саксофона, скрипки. Никто из ребят не мог этого сделать. Когда в ансамбле появился саксофонист, я уже через неделю научился у него играть на саксофоне. Я на многих инструментах умею играть. Это все музыка и мне хотелось все о ней знать. Это просто любовь. Все два года службы в армии я не расставался с саксофоном и играл уже профессионально, знал все его тонкости. И на трубе научился играть. Я на многих инструментах умею играть. Это все музыка и мне хотелось все о ней знать. Это просто любовь.

– А как вы окончили училище?

– Педагоги меня любили, хоть я и был шутливый ребенок. У нас в музучилище преподавала Наиля Гасановна, к сожалению, она уже умерла. Она была светлым че-

ловеком и очень хорошим педагогом, мы с ней подружились. Она подарила мне клavier «Тропую грома» Кара Караева с памятной надписью: «Моему суматошному Бориске, прекрасному музыканту...» И еще какие-то слова. Я долго его хранил, но во время переездов из страны в страну этот дорогой для меня подарок не сохранился.

– *Вы продолжили свое музыкальное образование?*

– Я хотел в дальнейшем заниматься чисто композицией, причем заочно, потому что не хотел оставлять маму одну и уезжать куда-то. Тогда заочные отделения были всего в двух консерваториях – Ленинградской и Новосибирской. Сибирские холода не для южного жителя, и я выбрал, как того хотела мама, очное отделение ленинградской консерватории. Пришлось сдавать 13 экзаменов, было очень трудно, и мне не хватило всего нескольких баллов. Мне предложили заочное обучение, и я согласился. Я изучал историю и теорию музыки и учился на пятерки. Моя дипломная работа была посвящена творчеству композитора Джовдета Гаджиева, а конкретно – его 5-й симфонии, где были элементы и джаза, и мугама. Восточную музыку я хорошо знал и знаю до сих пор. Мне пришлось встречаться с Джовдетом Гаджиевым дважды у него на квартире. Он мне давал копии всех своих партитур, которые я изучал, готовя свою дипломную работу. Джовдет-муаллим был очень приятным человеком, ко мне относился с отеческой заботой, опекал меня. Его Пятая симфония – необычное произведение. В нем переплетаются и мугам, и современная музыка, что-то от Стравинского, что-то от Шостаковича, и моя задача была изучить взаимовлияние и взаимосвязь отраженных в нем народных музыкальных традиций и современности. Я знал почти все мугамы и исполнял их на пианино, гитаре, аккордеоне...

– *Мне интересно, мугам ведь не каждый азербайджанец глубоко понимает и любит, а у вас вдруг такой интерес проявился, откуда он?*

– Я изучал мугам в музыкальном училище, у нас был специальный курс азербайджанской народной музыки. Мугам брал меня за душу, я не знаю почему. Я здесь родился, воспитывался и с детских лет слышал его на улицах, по радио, телевизору. Мугам у меня отождествляется с Баку, с восточной культурой, со всем его многообразием. Это неслучайно, ведь тема моей дипломной работы была «Преломление народной традиции в Пятой симфонии Джовдета Гаджиева». Я получил за нее и ее представление по пятерке. Мне стыдно сказать, но педагог, которая вела в консерватории курс «Музыка народов СССР» и хорошо знала восточную музыку, у меня училась, спрашивая у меня о разных тонкостях мугамата. В ленинградской консерватории никто, кроме меня, не знал азербайджанского мугама, я могу еще десять часов о нем рассказывать. Я и азербайджанский язык понимал с детства и хорошо на нем говорю. Мне пришлось даже после окончания музучилища по направлению преподавать музыку на азербайджанском языке в Шемахе. Я вел два русских класса и два азербайджанских. На обоих языках писал и читал свободно, меня очень уважали, обращались «Борис-муаллим», хотя мне было всего 18 лет. Моя мама чисто говорила на азербайджанском, армянском и немножко на грузинском. Кстати, мой дядя, старший брат мамы, долгое время работавший бухгалтером в разных районах Азербайджана, тоже очень любил мугам. Он тоже на меня повлиял в этом плане. Помню, однажды я пришел домой, вижу, он сидит и слушает по телевизору мугам, и у него чуть ли не слезы идут. «Что вы слушаете?» – спрашиваю. «Он так проникновенно поет...» – ответил он. Над ним смеялись, а он слушал, хотя не был азербайджанцем, просто он чувствовал музыку. Так же и мне попало в сердце. В 18 лет я устроился на работу в ресторан и там мне приходилось играть мугамат.

– А как получилось, что вы уехали из Баку?

– Мне было чуть более двадцати лет, когда умерла мама. Мне хотелось устроить свою жизнь, создать семью, но тот образ жизни, который я в то время вел, не способствовал этому. Я жил один, каждый вечер ко мне приходили друзья, постоянно были пьянки, гулянки. Я уже не знал, куда катился, даже начал подумывать расчитаться с жизнью, но удержала память о маме, о ее мечте видеть меня выпускником консерватории. Благодаря этому я нашел в себе силы доучиться оставшиеся два года и получить диплом. Потом я принял решение уехать в Москву, чтобы покончить с такой жизнью. В Москве вскоре, благодаря моим родственникам, я познакомился с хорошей девушкой, женился, создал семью, начал работать в ресторанах – играл, импровизировал, делал аранжировки и как музыкант был востребован. В Москве восточная музыка очень котировалась. Ее часто заказывали люди из Закавказья. В Москве исполнителей восточной музыки было мало, я был одним из них. В отличие от москвичей, я исполнял восточные песни без акцента, так как все эти языки впитались в меня с детства. В то время существовала организация московских ресторанов МОМА, куда без взяток попасть было невозможно, но руководитель, взявший меня в свой ансамбль, сказал, что мне надо или пройти комиссию, чтобы вступить туда, или дать столько-то денег. Я ответил, что денег у меня нет, и я просто пройду комиссию и сыграю им. Комиссия из 10 человек вызвала меня на сцену, и я стал играть, импровизировать. Прошло чуть больше пяти минут, как вдруг они сказали: «Хватит, хватит». «Что случилось, что-то другое надо?», – спросил я. «Нет, нет, ты прошел», – услышал ответ. Мне потом мало кто верил, что меня приняли без взятки и блата. Благодаря знанию восточной музыки, я стал востребованным музыкантом и меня стали переманивать из одного ресторана в другой. Я играл мугамы, грузинскую, армянскую, узбекскую музыку, одно время работал в ресторане «Узбекистан». В Москве почему-то считали, что ресторан – это какая-то клоака, место полного разврата души, а музыканты, работающие там, – падшие люди, но это было не так. Мы развлекали людей, старались демонстрировать что-то новое. Многие песни, становившиеся очень популярными в народе, впервые звучали именно в ресторанах. Работая в ресторанах, я стремился к личному творчеству. В 1987 году я познакомился с Михаилом Таничем, на слова которого также написал несколько популярных восточных песен, среди которых особым успехом, как и «Караван-сарай», «Восточный базар», пользовалась песня «Ходжа Насреддин», которую я исполнял на огромных стадионах. Она стала очень популярной, и в исполнении группы «Гюнеш» из Туркмении удостоилась на фестивале «Золотое яблоко» в Алматы первого места, как лучшая песня в национальном стиле. На слова Танича мной была написана и песня «Эй, Гарабах», в которой выражалась надежда на перемены к лучшему, прекращение вражды, но худсоветом на нее бы наложен запрет, так же, как и на еврейскую тематику, потому что тогда остро стоял вопрос отъезда евреев в эмиграцию.

Я даже в Москве издал сборник с текстами восточных песен и кассету с их записями, которые у меня покупали многие музыканты. Туда я включил азербайджанские народные и современные песни, например, «Тут агаджи», «Севгилим», «Бяри бах» и многие другие. Когда началась перестройка, и мир как бы перевернулся, менялась в чем-то и моя жизнь.

– Как именно?

– Вначале перемены произошли в моей непосредственной деятельности: я вдруг увидел, что многих музыкантов потянуло на восточные песни, и, более того,

они сами стали записывать свои кассеты. Я тоже стал писать и записывать альбомы с восточными песнями в стиле шансон, и первая же песня, которую я назвал «Шешу беш», сразу стала очень популярной. Ее до сих пор исполняют и в России, и в кавказских, и в азиатских республиках. Я записал уже два альбома с восточными песнями, когда друзья посоветовали мне обратиться к поэту-песеннику Онегину Гаджикасимову. Я знал, что он бакинец, и когда позвонил, сказал, что я из Баку, что пишу восточные песни. Спросил, не мог бы он прослушать несколько моих мелодий и, если они заинтересуют, написать к ним тексты. Он выслушал меня и сказал: «Приходите ко мне домой». Когда прослушал записи, сказал: «В этом что-то есть, оставьте мне несколько мелодий...». После этого он написал для меня много текстов и среди них тексты песен «Караван-сарай», «Джамия», «Лезгинка», «Тюбетейка», которую потом пел ансамбль «Ялла». Ему нравился стиль, в котором я работал, и он использовал все свои связи, чтобы мои песни чаще звучали в эфире. Я их исполнял под псевдонимом Борис Тимур. В моей жизни звонок к Гаджикасимову был большим и существенным шагом, открывшим для меня новую страницу в жизни.

– Онегин Гаджикасимов был человеком с необычной судьбой, он как бы прожил две жизни в одной. Не так давно я узнала, что в конце жизни он стал монахом и умер в монастыре. А что еще вы можете о нем сказать? Каким человеком он вам казался, что-то в нем уже было от будущей его судьбы?

– Он был очень плодовитый поэт и очень интеллигентный человек. В тот период, когда я с ним познакомился, он работал на радио редактором. Он был полный, грузный мужчина, немного флегматичный, с густой шевелюрой. Я встречал его на радио еще до своего знакомства с ним, когда приходил, чтобы показать свои песни Валентине Толкуновой и записывать инструментальную музыку с оркестром Силантьева. Гаджикасимов любил шутки, прибаутки, хорошо знал профессиональный жаргон музыкантов, любил подшутить над ними, «подхохмить», знал, как они живут, чем дышат. Он любил их, был своим среди них, вот что его отличало. Мы с ним подружились. Я просто звонил, и он говорил: «Приходи, выпьем вместе вина». И мы сидели, разговаривали, он о чем-то рассказывал. Ему было интересно, что я из Баку, что я свой человек в Москве, хотя у него было много друзей. Он любил все бакинское. Будучи старше лет на 10-12, он опекал меня. Как и все бакинцы, был очень эрудированным, веселым человеком, настоящим бакинцем, хотя жил в Москве. Написанную им для меня песню «Караван-сарай» я пел на огромных концертных площадках, на 25-тысячных стадионах. В тот период, когда он стал монахом, я с ним не общался, потому что жил уже в Америке. Знаю, что он принял христианство. Мой старый приятель Лев Елисаветский говорил мне, что Онегин скончался в монастыре.

– На своем концерте вы упомянули об одном мистическом эпизоде, после которого, как вы сказали, ваша душа повернулась к еврейской тематике, и вскоре вы создали группу «Шабэс» (еврейская суббота – авт.) Вы помните, как произошел этот неожиданный поворот в вашем сознании, ведь до этого, как вы сами говорили, вы ощущали себя просто человеком и не задумывались о своей принадлежности к какой-то нации? Что послужило толчком?

– Вы правильный вопрос задали, он очень по существу и очень больной для всех. Когда я служил в армии, меня спрашивали: «Ты кто по национальности?» Если бы сказал, что я еврей, меня бы загоняли, и я отвечал, что я азербайджанец или армянин. «А почему фамилия Вишневкин?» Тоже находил, что ответить. Этот антисемитизм, который до сих пор в России есть... Вы это будете писать?

– *Как есть говорите, правда важнее всего.*

– Это правда, никто от нее не откажется, поэтому мы живем сейчас в Америке, из-за этого явления, которое называется антисемитизмом. В Баку этого не было и до сих пор нет. Поэтому я скрывал свою национальность, не хотел, чтобы меня гнобили, заставляли, извините, туалеты чистить из-за того, что еврей. Внешне у меня не было чисто еврейских черт, и это меня тоже спасало. Я знал, что над теми, кто говорил, что он еврей, издевались. Спит человек, а ему огнем в ноги...

– *Где же такое было?*

– В армии, в школах, во дворе, но особенно в армии.

– *Но до этого, живя в Баку, вы не задумывались над тем, кто вы по национальности?*

– Нет, моя мама на всех языках, которые в те годы звучали в Баку, говорила, и я также. Одна национальность – бакинская, и все. А потом стала меняться жизнь, менялась история. Шли определенные процессы. Почему я начал писать восточные песни? Потому что во мне сильным было восточное начало. А потом наступил переломный момент. Был такой в те годы вокальный дуэт из Таллина – парень и девушка, «Хрустальный сон» назывался. Они пели песни в стиле «Ласкового мая». И вот солист группы сказал мне: «Боря, ты так хорошо восточную тему делаешь, а мы сейчас хотим специально делать русскую тему. Приезжай к нам, поработай, помоги, придумай для нас что-то русское». Ему и восемнадцати не было, но он был способный парень, и я дал предварительное согласие, но вдруг задумался, а почему не сделать еврейскую тему? Ну хорошо, восточная тема мне близка, потому что я родился и жил в Баку, с детства знаю восточную музыку, потом изучал. Мой дедушка работал в бакинской синагоге, но родители не были религиозными. Я ходил в детстве в синагогу, видел, как отмечают праздники, дома отмечали Песах, на столе была маца, дедушка читал молитву, я не задумывался над этим, воспринимал как часть общей жизни, но все это осталось в памяти и вдруг стало всплывать. Мне тогда было 33 года. Повторяю, я не религиозный человек и не знаю, хорошо это или плохо, но все равно эти обычаи знаешь, помнишь.

– *Давайте вернемся к тому необычному моменту, когда еврейская тема четко, конкретно встала перед вами.*

– Мне самому до сих пор непонятно, как вдруг это произошло. Я уже жил в Москве, и вот мы с другом поехали на рыбалку на Осташкинское водохранилище. Вокруг была прекрасная природа, светило солнце, пели птицы, я сидел на берегу, а в голове крутились мысли о том, как же мне претворить в жизнь еврейскую тему, о чем она должна быть, что в ней меня самого может затронуть. Когда работал в ресторанах, видел, как иногда туда приходят еврейские семьи. Они всегда сидели тихо, спокойно. Я тогда обратил внимание, какие у еврейских женщин, также и у моей жены и дочери, красивые, выразительные глаза, как они смотрят на мир, какой у них взгляд. Мне казалось, что он идет откуда-то издалека, из глубины веков. Я думал о том, что эти глаза видели погромы, устраиваемые «черной сотней», фашистские концлагеря, убийства, отражая все это в себе, как в зеркале. Вот так я сидел в раздумьях и вдруг в глазах как бы потемнело, и то ли о Бога, то ли от солнца, деревьев или воды, не знаю, откуда, пришла мелодия песни, и в мозгу четко, как ее название, отпечатались два слова – «еврейские глаза». Эта мелодия непрерывно звучала во мне, я не мог от нее избавиться. Потом уже меня в душе родились слова припева: «Еврейские глаза, они порой бездонные, как море, в них грусть осенних дней, в них

слезы матерей, печаль непроходящая и горе...» Когда вернулся в Москву, обратился к Борису Шифрину – автору текстов к песням многих композиторов, в том числе и к моим. «У меня в голове крутятся эти два слова – «еврейские глаза», может, вы можете мне написать стихи», – попросил я. Вскоре текст запевов был написан. Эта песня стала первой в ряду других, написанных мной песен еврейского цикла. Сегодня в Интернете, как минимум, 25 роликов на песню «Еврейские глаза». Мы исполняли ее на всех концертах созданной мной в 1988 году группы «Шабас», это на идиш, потому что в России ашкеназские евреи говорят на идиш, а в Израиле, где говорят на иврите, это звучит как «шабат». Наша группа стала третьей по популярности в Советском Союзе после московской «Тум-балалайки» и группы Яна Табачника на Украине. В мою группу вошли музыканты, которых мне посоветовал мой друг, композитор Илья Словесник, – клавишник, скрипач, барабанщик, танцор и другие. Мы выступали во многих русских городах. Концерты шли в двух отделениях.

– *И как вас принимали?*

– На «ура», просто вставали и хлопали, мы и в Сибири выступали, и в Баку были два незабываемых концерта. К сожалению, с моим отъездом в Америку группа распалась, музыканты после тоже по всему миру рассеялись.

– *У вас все так хорошо шло, и вдруг вы уехали, почему?*

– Были три причины. Дважды мы, выступая на концертах, встречали там наших соотечественников, эмигрантов из Америки, которым очень понравилась наша группа, и они говорили, что в Америке мы быстро смогли бы стать популярными. Ну, к чему стремятся все артисты – к славе. Это был один момент, а второй был в том, что жить в Москве становилось все труднее. Это было время, когда приходилось по три часа стоять за колбасой, бананами, когда их привозили. Ничего не было. Давали талоны на вино, я брал его и шел на рынок, чтобы поменять на яблоки. Понимаете? Хлеба не было, за ним ехали полдня и покупали сразу пять батонов, если давали. Потом делились с соседями, а они с нами, если им удавалось купить. Хлеба не было. Шли уже 1990-91 годы. Буквально был голод, хотя мы не голодали. Третья причина – антисемитизм, который чувствовался везде, хотя мы пели еврейские песни, и русские люди, в основном, принимали их хорошо. Может, потому, что музыку приходят слушать культурные люди. Вот в такой момент жизни мне из Америки позвонил мой товарищ Илья Словесник и сказал: «Ты собираешься ехать в Израиль, а там не очень хорошо с работой, может, попробуешь в Америку приехать, я пришлю тебе гостевую визу». Мы решили попробовать и выехали, несмотря на то, что билеты вначале не продавали, а потом цены на них подняли со ста долларов до тысячи. В Америке мне помогал устраиваться тот же преданный друг Илья Словесник, с которым мы дружили в Москве. Он сказал: «А ты знаешь, здесь живет твой земляк, Лев Елисаветский». Конечно, мне захотелось с ним встретиться, познакомиться. Это случилось позже, после моего концерта в одном из ресторанов. Концерт прошел во время праздника Пурим, предварительно была вывешена афиша, и так получилось, что Елисаветский попал на этот концерт. По окончании концерта мы познакомились с ним. Оказалось, что его жена Светлана с моей мамой работала в одном учреждении, сидела с ней в одном кабинете. Она вспомнила, что когда мне было 14-15 лет, моя мама, когда они с Елисаветским поженились, пригласила их к нам в гости. Я для них играл и пел, и Елисаветский сказал тогда про меня: «Способный мальчик, далеко пойдет». У меня до сих пор хранится открытка ансамбля «Гая», они были и всегда будут моими кумирами. «Помнишь, как я сказал, что ты будешь хорошим музыкантом? Я оказался прав», – сказал Лев в

этот раз. Он мне очень помогал, подсказывал, как лучше работать в Америке. Давая концерты в еврейском центре для пожилых людей, организуя встречи, выступая на свадьбах, он порой и меня брал с собой, а когда сам не мог пойти, посылал меня одного работать. Так я учился осваивать новое пространство своей жизни.

– В вашей жизни было много событий, встреч с разными людьми, переездов. Насколько они изменили вас и ваши взгляды на мир?

– Любый человек меняется, проходя какие-то этапы в жизни. У меня изменилось отношение к моей профессиональной деятельности, к творчеству. Мне сейчас больше хочется играть на инструментах, чем петь. И не потому, что я сильно изменился, а потому, что изменился мир, в котором мы живем, появились новые технологии. Сейчас люди стали меньше читать, меньше вслушиваться, например, в слова песен. Нынешние ритмы жизни, все эти фейсбуки, ютюбы, быстро меняющаяся картина мира не позволяют углубляться, расслабляться. Современный человек ныне постоянно находится словно под током высокого напряжения, поэтому, когда он, например, едет в машине, то чтобы хотя бы на несколько минут расслабиться, он любит включать музыку, которая звучит неким фоном, успокаивающе, потому я сейчас больше пишу инструментальную музыку, чтобы диск с ее записью было просто приятно слушать в дороге, или дома, или на отдыхе. Музыку, которая ни о чем не будет говорить, а просто расслаблять.

– Что вас ведет по жизни, что держит, какое правило?

– Я на этот вопрос отвечу очень однозначно и четко. В любой ситуации, будь она легкой или тяжелой, меня на плаву держит моя музыка. В своей книге «Музыка моей души» я с самого начала пишу об этом. Моей жизни не было бы без нее. Так же, как и без моей супруги, которой я благодарен за все, без моей семьи. Вот это все, что держит меня на плаву. В душе у меня музыка, а в сердце – моя семья, моя жена. Мы с ней уже почти 40 лет вместе, а вместе с ней во мне живет моя музыка, с которой связаны все мои планы, проекты.

– У вас есть ощущение, что вам помогают высшие силы, и если да, как давно оно возникло?

– Оно всегда было у меня в жизни. Когда мамы не стало, во мне эта сила появилась. Я всегда говорил, и близкие знают, что всем, что у меня есть в жизни, я обязан маме, которая растила меня без отца. Я живу по тем законам, которым меня учила мама. Она говорила: вот тебе сделали плохое, а ты не отвечай тем же, делай хорошее, или – ты с этим дружи, но не с тем. Она мне дала какие-то знания, которые помогают мне идти по жизни. Я вижу божество в своей матери, но знаю, что там, наверху, кто-то есть и кто-то двигает мною, я верю в это, хотя я не религиозный человек. Когда мне бывало плохо и ничего в жизни не складывалось, я думал, что дальше конец и заново приходилось начинать что-то с нуля, вдруг ... все менялось к лучшему.

Маленький пример, один из многих. В Москве у нас квартиры не было, а у нас уже дочь родилась, я много думал, как найти жилье, безуспешно пробовал разные варианты и вдруг меня приглашают играть в какой-то ресторан. Руководитель ансамбля этого ресторана вдруг неожиданно меня спросил: «А где вы живете?». Когда узнал, что у меня нет квартиры, сказал: «А ты знаешь, что у нас строится кооператив, не хочешь вступить?» Как же не хотеть, мне жить негде! Нашел где-то деньги, сложил в конверт и через месяц мне подписали документы, а вскоре у нас появилась новая квартира. Также, когда мы собирались в Израиль, и уже были получены все доку-

менты и визы для нашей семьи, неожиданно, в самый последний момент – это было 9 мая 1991 года – позвонил товарищ, который несколько лет мне не звонил, и отсоветовал, сказал: «Тебе с семьей там будет трудно...» Он переслал в Москву необходимые документы, и я переехал в Америку. Поначалу нам тяжело было устроиться, но мы никогда не жалели и не плакались, считая, что все у нас хорошо. В этих сложных моментах жизни, когда надо сделать выбор, я поступаю так, как если бы мне посоветовала мама. Я просто мысленно обращаюсь к ней: «Мама, как поступить?», а потом прислушиваюсь к ее голосу в себе и откуда-то приходит ответ.

– Да, я слышала много свидетельств о подобной помощи, когда ушедшие близкие помогают.

Вы говорили, что в прошлом году впервые написали музыку к спектаклю, и это как бы новый этап в вашем творчестве...

– Мне было очень приятно работать в этом плане. В Калининграде живет очень необычный, безмерно одаренный человек, у которого много наград. Это заслуженный деятель искусств России, театральный режиссер Вениамин Андреев. Я с ним познакомился когда-то через какие-то связи и время от времени общался. И вот от него вдруг поступило предложение написать музыку к его новому спектаклю. Он прислал мне сценарий, стихи к песням, которые должны были звучать в будущей постановке и которые меня очень тронули. Мне понравилась идея спектакля, потому что там была и русская, и еврейская темы. Я дал свое согласие и в сжатые сроки, за два месяца, написал 14 музыкальных номеров, а также увертюру. Было очень интересно работать. В декабре прошлого года в городе Калининграде с большим успехом прошли три премьеры спектакля «Русская фантазия о немецком мастере».

– За те годы, что вы не были в Баку, он значительно изменил свой облик, мне интересно, как вам эти перемены, что город потерял, а что приобрел?

– Город очень изменился, многие говорят, что Баку стал чужой, это другой город, в котором все новое, незнакомое. Я не принимаю этого, хотя да, город выстроен заново, но я просто «кайфую», получаю удовольствие от того, что в нем сохранился присущий ему дух ... Меня эта новизна вообще не смущает. Ну, вот я смотрю с балкона (*мой собеседник подходит к балконной двери – авт.*) и вижу библиотеку имени Ленина (*ныне президентская – авт.*), она как была, так и стоит. А вот там когда-то было кафе «Гешенг», где я играл, а вот Дом культуры, куда я в детстве ходил на елку, на следующей улице – Дом культуры моряков, где я работал, дальше цирк, куда мы ходили с бабушкой. Там была офицерская столовая, которую я с друзьями посещал. Я все это помню и узнаю все старые улицы – Щорса, Горького, здание Баксовета, музучилища. Наверное, в них уже многое изменилось, но что-то же осталось. Многое осталось – свой колорит, и, главное, свой, особенный запах Баку. Когда идешь по улице, из дворов, как и в моем детстве, идут запахи готовящегося обеда, а со стороны бульвара – запах моря. В первый день приезда, когда мы с женой гуляли по улицам, она сказала: «Здесь воздух какой-то другой». Я ей сказал: «Это воздух Баку, воздух моря». И этим все сказано. Я все это люблю, чувствую, я это переживаю. Ведь где б я ни жил, в сердце я всегда был и останусь БАКИНЦЕМ!

– Спасибо за интересную беседу.